

„Эксперимент“ не должен повториться

Мы подолгу говорим с Аддой Львовной в ее ленинградской квартире. Несмотря на возраст (ей уже 88 *, она осталась верной своей трудной работе — вглядываться в жизнь, слушать ее и понимать.

— Сегодня,— говорит она мне,— моя книга как бы запоздала. На то был ряд причин. Но под влиянием даже самой богатой литературы, известной в наши дни, я не изменила ни строчки из написанного мною в шестидесятые годы. Тогда, с 1965 по 1969 годы даже письма матери и мужа были сожжены. Не было и «Архипелага ГУЛАГа», книги, которая сорвала фальшивую маску с нашей действительности и обожгла правдой. Не было книг замечательного психолога и аналитика Василия Гроссмана, ни многих других книг — Приставкина, Гнедина, Авторханова... Лишь в 1968 году мне удалось прочесть отрывки из книги Конквеста «Большой террор» на английском языке. Но я оставила все на своем месте. У каждого свое лицо, свои мысли, свое отчаяние и сила духа. Свое понимание ложного и свое право остаться самим собой. Работая над рукописью, я старалась проникнуть в психологию каждого встреченного мной человека, вспомнить и назвать больше имен и судеб...

Все эти годы лагерей, скитаний и ссылки она не отворачивалась от вопросов и размышлений. И если одна из тайн тоталитарного режима в том, что еще до всякой манипуляции сознанием масс каждый научился манипулировать собственным сознанием, не замечать трудных вопросов, не видеть противоречащего совести, то к А. Л. Войтоловской это не относится. Она с самого начала и до конца была зрячей.

«Духовное возрождение народа,— читает Адда Львовна религиозного философа Константина Иванова,— не может произойти на основе только безоглядного отрыва и отречения от прошлого. Необходимость покаяния в преступных действиях и порочных идеалах, осознание заблуждений, ошибок и

* А. Л. Войтоловская умерла 28.12.1990 г.

предубеждений не может вызывать сомнений,— только так приоткрываются перспективы новых идей и ценностей. Но это никак не значит, что достаточно этого отрыва и что тем самым будет обеспечен новый духовный путь. Народ возрождается и преображается, не теряя себя самого, напротив,— находит себя, когда глубоко и осмысленнее переживает свои чаяния, предназначение и судьбу. Мы возвращаемся к прошлому, переосмысляя его, и движемся от него в будущее, принимая путь, который идет из прошлого. Критика прошлых ошибок и преступлений должна быть достаточно последовательной и настойчивой, чтобы повернуть нас к сокрытому смыслу истории, которому мы назначены даже в неведении и противлении». Всё верно!

Есть люди, которые самим небом назначаются к особой, значимой для целого поколения судьбе. Тьма всемогущих случайностей раздвигается, преодолеваются самые непреодолимые препятствия, и истина пробивается через всё вместе с таким человеком к будущим поколениям,— детям, внукам, потомкам. Вместе с понатым и пережитым такие люди передают нам все, что достигли на пути к смыслу, к истине. Форма выражения этого драгоценного опыта не имеет значения — картина ли, песня, стихи, и даже одна страничка забытого документа. С книгой Адды Львовны Войтоловской к нам перешла целая летопись!

Особое предназначение судьбы не принесло ей облегчения и благополучного пути. Совсем наоборот. Она разделила трагедию со своим народом, выстрадала ошибки и воскресла из небытия. Однако из того, 1941 года, предстоял еще очень долгий путь к возрождению.

А. Л. Войтоловской написаны четыре книги о своем пути, охватывают они отрезок времени с 1934 по 1964 годы.

1934—1941 гг.— убийство Кирова, аресты, этап, лагерь (Ленинград, Новгород, Коми АССР);

1941—1949 гг.— между лагерем и ссылкой (Вологда, Ростов-на-Дону);

1949—1954 гг.— ссылка «навечно» (Нижне-Имбатск Туруханского края);

1954—1964 гг.— время «оттепели» (Ростов-на-Дону, Ленинград).

Каждая из этих книг связана друг с другом многими судьбами, взлетами и падениями человеческого духа, победами нравственной воли и горькими поражениями, психологической усталостью и даже смертью. Каждое мгновение, каждую минуту после освобождения жизнь бывшего политического «лагерника» напоминала о возможном и близком кошмаре оказаться опять за тюремными стенами и колючей проволокой. Режим приспособил для искушения души все — от мелких,

но бесконечных унижений и бытовых трудностей, до обещания возможных благ в случае согласия сотрудничать.

Оказавшись в Вологде, после освобождения в апреле 1941 г., Адда Львовне вместе с мужем Николаем Игнатьевичем Карповым пришлось испытать все, отведенное людям, имеющим соответствующий штамп в паспорте и справку об освобождении.

«Коля нигде не работал. Получить работу было невозможно, несмотря на всю энергию и инициативу, им проявленную. Завуалированное недоверие было формулой жизни времени. Недоверие сверху донизу к бывшим зека-политическим являлось гласным и негласным законом поведения для всех...» — пишет Войтоловская о ссылке в Вологду.

После долгих мытарств, почти отчаявшись, Адда Львовна пошла на прием к секретарю обкома партии П. Т. Комарову. С собой она несла следующее письмо:

«Уважаемый товарищ Комаров!

Прошу принять меня не направляя ни к кому из заместителей. Я приехала из лагеря в апреле 1941, где пробыла пять лет по статье 58, пункт 10—11 («контрреволюционная троцкистская деятельность»), без права прописки в Вологде, т. к. в мой паспорт вписан § «минус 39 городов». Муж мой Карпов Николай Игнатьевич, тоже бывший политзаключенный, прописан в Вологде и тщетно пытается найти хотя бы какую-нибудь работу в вашем городе.

Средств к существованию нет...»

Вопреки всем правилам и нормам того времени Комаров незамедлительно принял Войтоловскую и... помог ей. Но впереди еще ждало слишком многое. К обычным трудностям добавились военные тяготы. Обо всем этом в рукописи второй книги рассказывается не менее интересно, напряженно и честно, чем в первой.

С сентября 1944 года Адда Львовна Войтоловская преподает в педагогическом институте Ростова-на-Дону. Здесь она вновь возвращается к работе над диссертацией, которая с блеском написана, отпечатан автореферат, получены авторитетные и отличные отзывы, и... в научную работу вмешивается МГБ. Со своими планами и сценарием, со своими агентами и провокациями. Вместо блестящей защиты — тюрьма.

О лагерях и тюрьмах сталинского времени написано уже много. Третья книга А. Л. Войтоловской открывает еще неизвестную нам часть нашей жизни — жизнь политических в ссылке. В ней оказались многие из «повторников» — тех, для кого арест был не первым.

Оказывается, режим лагеря и тюрьмы, где обстоятельства и условия овладевают тем, чем невозможно овладеть у человека — подсознательным, еще не самое страшное. Куда

страшнее, когда подсознательное становится на место человеческого. Звериные (да звериные ли? Хуже!) нравы «хозяев Нижне-Имбатска в Туруханском крае, назначенных из уголовников и «бытовиков», кажется, не оставляют надежд на будущее. Человек опускается, гибнет. И уж ни о какой борьбе, как будто, не может быть речи. Но несмотря на особо тяжелые условия, которые «создает» Войтоловской «начальство», она держится.

Адда Львовна и Николай Игнатьевич переносят сгустившийся вокруг чад грязи, боли, беды. Морозы ниже сорока сменяют метели, природное ненастье — человеческой непогодью, запоями, драками, яростью и тоской. Но остаться человеком — «дело выбора каждого». Читая воспоминания, убеждаешься, что нравственные законы и доброта выше всего.

Страшное испытание ждало Адду Львовну в Нижнем Имбатске. Подлецы Истомин и Спиридонов решили списать на «контрреволюционерку» пожар на заводе, обвинив ее в поджоге. Избитая ими до потери сознания, едва очнувшись, она начинает бороться, как бы не безнадежна была эта борьба. Следователи сменяли друг друга, их приезда надо было еще добиваться и добиваться. Следователи, уполномоченные, эксперты — перед всеми она была фактически беззащитной. Но, вспоминает А. Л. Войтоловская, «не было ощущения беззащитности. Они клеветали, обвиняла я». После долгих месяцев борьбы состоялся суд... над Истоминым и Спиридоновым. Адда Львовна добилась невероятного!

«Материалов для обвинения было достаточно. Истомин получил 5 лет, Спиридонов 3 года, однако оба в ближайшие месяцы попали под амнистию. Это не важно, не важно и то, что дружки Истомина постарались вскоре вернуть его на какую-то «должность». Дело о поджоге было прекращено, хотя за клевету и ложные показания к ответу никого не привлекли. Но и это не так уж важно, это в порядке наших установившихся обычаев, ведь и после XX съезда партии, после разоблачения и реабилитаций клеветники и доносчики не пострадали, остались в силе и славе, а многие продолжают проповеди с амвона кафедры или в печати.

Важно то, что в такой неравной борьбе и ситуации, победа осталась за мной, за правдой! Редчайший случай того периода...»

В тот злополучный 1952 год ей особенно не везло. В конце навигации лебедкой ей переломило ногу. Сама складывала кости, налагала лубки. В бурю переправились на лодке через Енисей.

Читая рукопись, все время возвращаешься к мысли, что испытаний, выпавших на нее, с лихвой хватило бы на многих

и многих. Уже кончилась ссылка «навечно», но не закончилась ее борьба. Из современного благополучия кажется, будто Адда Львовна слишком строга в оценках, даже жестокосердна. Но приходится задуматься, что стоит за ее жестким нравственным императивом. Сотни отданных жизней и лично ей дорогих, родных людей — с одной стороны, а с другой — низость и зло в своем идеологическом одеянии, но всегда конкретном человеческом исполнении.

...Но, снова весна. Расстояние до дома семь километров. Адда Львовна идет по пустынному ночному городу. Ей уже не 14 лет, как в дни февральской революции, а 54 года. Но здесь, в режимном еще Ростове-наДону, она вспоминает далекое киевское утро, когда в комнату вбежала ее мама с криком: «Девочки, революция в России!» И они мгновенно выбежали на улицу, влились в поток бегущих радостных и охваченных особым чувством единения всех людей... Сейчас, в Ростове, чувства ее сложнее, Адда Львовна счастлива и абсолютно одинока. Случилось то, что казалось невероятным: полное освобождение. Только что получена реабилитация Военной Коллегии Верховного Суда СССР. Но реабилитированных еще не считают полноценными людьми. Может быть, нет логики, но сейчас она счастлива. А логика, что ж, логики уже было и еще будет немало.

В том же году был реабилитирован и ее муж, Н. И. Карпов. 21 год наказания без состава преступления!

И снова мы спорим и говорим. О России, Ленине, революции, партии и идеологии коммунизма. О том, что даже большие, даже великие писатели ошибаются, полагая нашу страшную историю всеобщим одурманиванием и бесовщиной. Раскрытие смысла, мысли, таящейся в трагическом опыте, нельзя заменить самым талантливыми оценками, ведь если в истории есть одна бессмысленная «черная дыра», то и вся она теряет смысл.

Мы говорим о том, что презрение к настоящему оборачивается игнорированием жизни, что самая большая трагедия в том, что многим, оказавшимся в лагерях, в действительности не надо было бы этому удивляться, поскольку они, по существу, их лично выстроили. Прежде всего, — своим отношением к жизни. И еще о том, что, не видя этого, мы по сей день воспроизводим сталинские ценности, и страна все еще остается лагерем, а жизнь — ссылкой «навечно».

Такое отчетливое понимание пришло к Адде Львовне уже после написания книги. Читатель, следуя вместе с автором по следам судьбы поколения, пойдет с ним и общим трудным духовным путем. Но Адда Львовна была бы счастлива, если у каждого на этом общем пути были бы свои неповторимые степени.

Книги повторяют судьбу своих авторов. Они либо теряются в зигзагах непроясненной мысли и совести и оседают неведомые в архивах библиотек, либо достигают своими лучами общего потока света, устремленного к Истине. Рукопись Адды Львовны преодолела долгий путь. И вот, кочуя в потоке неопределенно-доброжелательных отзывов из самых толстых наших журналов, редакций, отечественных и зарубежных, книга вышла к читателю в том самом месте, где состоялся апогей судьбы самого автора. Случайность?.. Если и да, то случайность, преодоленная долгим и предельным напряжением души Адды Львовны. И нам остается только обрадоваться новой и очень значительной книге, которая благодаря счастливому стечению обстоятельств и энергии патриотов родного края впервые издается именно в Коми ССР.

Впрочем, радость эта должна быть особой. Чтение книги А. Л. Войтоловской не принесет обычного литературного удовольствия. Режим уродует не только отдельные судьбы, он калечит всю жизнь, проникает во все ее поры. Читать книгу Адды Львовны трудно. Понятна даже та усталость, которая подчас слышится в словах: «Опять про лагеря...» Но у нас единственный путь и шанс понять смысл случившегося — вчитываться, даже заставляя себя перечитывать такие книги. И учиться размышлять, продвигаясь к свободе.

— После апреля 1985 г. прошло пять лет,— говорит Адда Львовна.— Народ не безмолвствует, но он отвык от инициативы, не имеет опыта демократии. Народ, испытывая жажду действовать, но будучи политически дезориентирован, становится на грань экстремистских выступлений. Руководство же в попытке выйти из кризиса может прибегнуть вновь к насилию и к диктатуре. Нельзя подчиняться стечению обстоятельств. Каждый должен это осознать и не допустить гражданской войны. И, прежде всего, интеллигенция не имеет права стать игрушкой в этой темной игре. Меня гвоздит страшная мысль, что наша горькая участь может ничему не научить, что страдания нашего поколения не дадут нужных результатов.

Рабский труд, космическое количество лет, полученное в качестве наказания зеками и ссыльными, пытки, море крови, не побоюсь сказать, лучшей части нашего общества. Во имя чего? Неужели «эксперимент» этот может повториться? Если сейчас допустить апатию и инертность, тогда и «камни» возопиют. Время еще не упущено, но оно не стоит на месте. Оно требует — решайте или будет поздно!

В. ШАРОНОВ